

АРАБСКАЯ ВЕСНА: ДЕСЯТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

DOI: 10.31857/S086919080015064-7

АРАБСКАЯ ВЕСНА КАК РУБЕЖ МОДЕРНИЗАЦИИ АРАБСКОГО МИРА:
ПРОТИВОСТОЯНИЕ СОВРЕМЕННОСТИ И ТРАДИЦИИ

© 2021

А.И. ЯКОВЛЕВ ^a

^a – Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0001-7164-1321; aliv_yak@mail.ru

Резюме: В задачи статьи входит проследить значение событий Арабской весны 2011 г. как этапа формирования современного арабского общества в процессе догоняющей модернизации. Рассмотрены основные механизмы и этапы социально-экономической трансформации арабского общества как комплексного процесса «реформы системы», следующего западной модели современного индустриального общества. Уделено внимание характеристике особенностей модернизации на Арабском Востоке, усилению роли национального государства и растущей дифференциации арабских стран. Автор объясняет взрывной характер событий 2011 г. в регионе противоречиями, вызванными к жизни в процессе модернизации, с одной стороны, нарастающей фрагментацией общества в отношении к ценностям современности и традиции, а с другой – социально-экономическими проблемами модернизированного или полумодернизированного общества, чьи ожидания не были реализованы властью в процессе перемен. Вследствие этого в арабских странах возникали конфликты не только между «хозяевами» и «работниками», но и между сторонниками масштабной вестернизации и ревнителями традиционной культуры и норм жизни. Эта особенность региона в эпоху глобализации привела к парадоксальному результату: вместо включения модернизированного арабского общества в глобальное ценностно-смысловое пространство с унифицированной системой ценностей, норм и правил в регионе сформировалось духовно-идейное пространство на иных принципах. Реформированное арабское общество обрело – с учетом страновых различий – относительно целостный дискурс, по существу, альтернативный западному. Таким образом, модернизация не вызвала из далекого прошлого традицию, а используя оболочку традиции наполнила ее актуальным и важным содержанием.

Догоняющая модернизация имела разные результаты для арабских стран, но она кардинально изменила социально-политический баланс сил в арабском обществе, осложнив решение старых проблем и породив новые конфликты, в частности, проблему международного терроризма. В XXI в. перед арабскими странами встает задача формирования общественного баланса на новой основе путем проведения модернизации развития.

Ключевые слова: арабские страны, Арабская весна, модернизация, традиция, современность, фрагментарное развитие.

Для цитирования: Яковлев А.И. Арабская весна как рубеж модернизации арабского мира: противостояние современности и традиции. *Восток (Oriens)*. 2021. № 3. С. 16–28. DOI: 10.31857/S086919080015064-7

THE ARAB SPRING AS A LINE OF MODERNIZATION OF THE ARAB WORLD:
THE OPPOSITION OF MODERN AND TRADITION

© 2021

Alexander I. YAKOVLEV ^a^a – Institute of Oriental Studies RAS, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0001-7164-1321; aliv_yak@mail.ru

Abstract: *The article aims at studying the meaning of the events of the Arab spring of 2011 as a stage of formation of the modern Arab society within the process of catching-up modernization. The article examines the main mechanisms and stages of socio-economic transformation of the Arab society as a comprehensive process of “the reform of the system” which follows the Western model of the modern industrial society. Attention is paid to the specific characteristics of the modernization in the Arab East, which are: asynchronous nature of economic and sociopolitical processes, growing role of the nation-state, increasing differentiation of Arab countries. The author explains the explosive nature of the events of 2011 in the region by contradictions, which were provoked within the process of modernization, on the one hand, by growing fragmentation of the society with regard to their attitude to the values of the modernity and the Tradition, and on the other hand, by socioeconomic issues of the modernized or semi-modernized society whose expectation hadn't been met by the authorities during the process of transformation.*

The catching-up modernization, which has ended, has had different results for the Arab states but it has drastically changed the sociopolitical balance of power in the Arab society and has complicated the process of addressing the old issues as well as led to new conflicts, particularly, the issue of the international terrorism. In the 21st century the Arab states are facing the need to form a social balance on a new basis through a development modernization.

Keywords: Arab countries, Arab spring, modernization, tradition, modernity, fragmentary development.

For citation: Yakovlev A.I. The Arab Spring as a line of Modernization: the Opposition of Modern and Tradition. *Vostok (Oriens)*. 2021. No. 3. Pp. 16–28. DOI: 10.31857/S086919080015064-7

Арабская весна 2011 г. не просто кардинально перемешала карты на Ближнем Востоке, но существенно ускорила идущие там социально-экономические и политические процессы. Бурные перемены в политической и общественной жизни ряда арабских стран, а также трансформация региональной системы международных отношений на Ближнем Востоке побуждают спустя десять лет к их новому осмыслению, прояснению поводов и причин того, что получило название *Арабского пробуждения*.

Масштаб этих события казался абсолютно невысказанным, пока они не произошли в первой половине 2011 г. Их никто не ждал. Между тем неожиданность грянувших перемен была лишь видимой. Никто не знал, когда нажмут на курок, но пуля была в ружье, а ружье давно висело на стене. Оставляя в стороне образы, обратимся от повода события к его причине, уделим внимание содержанию общественной жизни арабских стран во второй половине XX в., породившему Арабскую весну, – модернизации.

МОДЕРНИЗАЦИЯ АРАБСКОГО МИРА

В современной литературе концепция модернизации была детально разработана западными учеными в 1960–1970-е гг., когда бурный процесс социально-экономической

трансформации «третьего мира» потребовал осмысления и выработки отношения к нему со стороны Запада. Возникли различные точки зрения на сложный процесс модернизации, который понимался то как вестернизация незападных стран, то как индустриализация, то как демократизация социально-политической жизни [Hantington, 1968]. Во всех случаях процессы трансформации незападного общества подразумевали следование западной модели, воспринимавшейся как нормативный образец.

Большее распространение получило более широкое понимание модернизации как комплексного процесса, затрагивающего все стороны общественной жизни незападных стран, впервые предложенное У. Ростоу [Rostow, 1960]. В последующие десятилетия теория модернизации получила развитие в десятках работ западных и отечественных ученых [Black, 1966; *Эволюция восточных обществ*, 1984; Семенов, 2003; Побережников, 2006; Яковлев, 2006; *Обзорный доклад*, 2011; *Теория и методология истории*, 2014; *Реконструкция мировой и региональной истории*, 2017; Заостровцев, 2020].

Во второй половине XX в. в большинстве арабских стран, как и немалой части иных стран Востока, шел процесс модернизации – коренных целенаправленных социально-экономических реформ, проводимых властью для преодоления отсталости и достижения страной и обществом более высокого уровня развития по западному образцу [Яковлев, 1999; Александров, 2000; Косач, 2007; Lerner, 1965; Eisenstadt, 1973; *King Faisal*, 1980; Al-Farsy, 1990; O'Sullivan, 2008].

Истоки догоняющей модернизации лежат в проявившемся в середине XX в. стремлении арабских народов, осознавших кризис застойного традиционного развития, к преодолению социально-экономической отсталости по сравнению со странами Запада, а также в отказе от роли пассивного объекта в отношениях «метрополия – колония». Общей чертой преобразований в арабском мире стало стремление господствовавших режимов самим начать и возглавить совершение коренных перемен в общественном строе, дабы избежать перерастания кризиса в неуправляемый процесс анархии и революционной ломки. Общность истоков модернизации проявилась и в том, что для ее совершения была взята модель индустриального общества, существовавшая в то время в двух вариантах: капиталистическом и социалистическом. Господствовавшее в то время представление о линейном характере общественного развития питало надежды арабских лидеров, от президента Египта Насера и президента Туниса Бургибы до короля Марокко Хасана и короля Саудовской Аравии Фейсала, на то, что современные техника, технологии, социальные отношения, административные институты и достижения культуры, заимствованные из индустриальной модели, создадут в их странах развитое общество с основами современной экономики. Но ожидаемого триумфального преобразования не случилось.

Общая схема и механизм модернизации видны в проведении большинством арабских режимов в 1960–1970-е гг. коренных социально-экономических реформ [см.: Яковлев, 2015, с. 13–107]. Несмотря на весьма различные изначальные объективные условия, властью был начат процесс переустройства общества на новых началах, но без разрыва с традицией, исходя из модели и опыта развития стран Запада или СССР для совершения качественного скачка в социально-экономическом развитии без насильственного изменения политической системы и социальной структуры общества.

Главным и решающим субъектом такой трансформации выступило государство, опирающееся не просто на опыт, но и на реальную помощь внешнего фактора – Запада или СССР. Вскоре стал понятен иной, чем в западной модели стран «первого эшелона» капиталистического развития, характер преобразований – они оказались асинхронными, протекали быстрее в сфере экономики, медленнее – в социальной жизни, и еще медленнее – в сфере культуры и духовной жизни, там, где менялись не материальные условия жизни, а мента-

литет и нормы поведения больших масс людей. Определились и два типа преобразований: иницирующие и санкционирующие. Первые проводились властью для формирования социально-политических начал, отсутствующих или слабо развитых в арабском обществе, а вторые – легализовали уже существующие общественно-политические практики. В то же время преобразования в нематериальной сфере носили подчеркнуто охранительный характер, сохраняя цивилизационные основы, а также закрепляя существующую политическую систему.

В жизненное пространство арабского общества в разной мере, но повсеместно входили техника, технологии, уклады жизни и хозяйствования, нормы и практики политической и социальной жизни, плоды массовой и классической культуры Запада. Их взаимодействие происходило преимущественно в форме *симбиоза*, неантагонистического сочетания разнородных начал, реже в форме *синтеза* – соединения разнородных элементов в целостную систему, обретающую новое качество. Нередким, особенно в нематериальной сфере, было и прямое *отторжение* – неприятие арабским обществом навязываемых начал и вытеснение заимствований.

Необходимо подчеркнуть, что западная модель предполагала построение не просто современного, а капиталистического общества. Но, поскольку догоняющая модернизация представляет собой ускоренное, сжатое во времени развитие, арабскому обществу не хватало времени на изживание своих традиционных основ. Между тем на это самому западному обществу понадобились несколько столетий и революций, плодом которых стало широкое демократическое развитие капиталистического уклада снизу, что можно назвать *сталагмитовым типом* развития. Арабские правители, избравшие западную модель, также стремились к построению основ рыночной экономики на индустриальной основе, но начатая ими «революция сверху», вела к иному – *сталактитовому типу* развития нового общества с ограниченной социальной опорой и сохранением господства государства.

На 1960–1980-е гг. приходятся три этапа модернизации арабского мира, отчасти совпадающие во времени. Первый этап: проведение властью фрагментарной модернизации в качестве попытки выйти из системного кризиса отсталости. Второй этап: разработка властью комплекса социально-экономических преобразований, обретение внешней поддержки, появление лидера-реформатора, создание правовой и институциональной основы нового общества, возникновение «очагов» нового развития. Третий этап: расширение и углубление процесса реформ в материальной и социальной сферах в зависимости от возможностей экономики, влияния внешних факторов, психологической готовности масс, борьбы в правящих и господствующих слоях, силы проявления технологического фактора и т.д. На этом самом продолжительном и трудном этапе происходит решение властью ключевых проблем общественной жизни; материальное производство на новых основах определяет хозяйственное развитие; возрастает социальная мобильность, меняется баланс социальных сил в обществе. Четвертый этап: после прохождения в обществе «волн преобразований» с неизбежными забеганиями вперед, торможением развития и отступлениями назад, после достижения качественно нового уровня жизни и изменения менталитета значительной частью населения, власть шаг за шагом приводит политическую систему общества в соответствие с возникшей новой социальной структурой и новой идейно-ценностной системой. Таким образом реформы политической системы, политической культуры и политической жизни завершают процесс догоняющей модернизации.

Предложенная схема реформ при наложении на конкретно-историческую действительность стран арабского мира, конечно, имеет существенные различия. Но, как бы то ни было, в первой половине XX в. логика догоняющей модернизации вела арабские общества по этому пути от одного этапа к другому.

К концу XX в. стало очевидно, что процесс модернизации подошел к своему пределу: реформы позволили совершить более или менее сильный рывок от отсталости, закрепив новое качество материальной жизни, но не позволив достигнуть высокого уровня западного общества, которое также не стояло на месте, а главное – реформы нарушили былую органическую целостность арабского общества, но не принесли новое единство. Былая многоукладность не только укрепилась, но и усложнилась по новым параметрам. Иначе говоря, догоняющая модернизация выработала свой потенциал на третьем этапе, не успев его завершить. Но люди живут не по схемам, и четвертый этап реформ фактически начался досрочно в условиях незавершенности социально-политической эволюции общества по западным лекалам.

Наконец, необходимо сказать еще об одном параметре общественного развития, менее заметном, чем материальный (формационный), но столь же важным – о цивилизационных характеристиках арабского общества. В самом начале процесса социально-экономической трансформации и власти, и само арабское общество, одержимые нетерпением аутсайдеров, включились в гонку модернизации, рассматривая ее как универсальный и линейный процесс, то, что позднее Ф. Фукуяма описал в своей статье как «конец истории». Однако возникавшие в экономической и тем более в социальной жизни конфликты скоро показали всем пределы реализации модели индустриального общества, возникшего на иной цивилизационной основе. Заводы и университеты заполняли люди с иным мировосприятием, иным мировоззрением. Линейная логика прогресса, заменявшего устаревшее прошлое на более передовое современное, все чаще не срабатывала в арабском мире – от вестернизированного Магриба до архаичной Аравии.

Данное обстоятельство побуждает к понятию *симбиоз* добавить понятие *фрагментарность* для более адекватной характеристики результатов догоняющей модернизации. Арабское общество просто не успевало изжить старое, сохраняя его неустаревшие элементы, и адаптироваться к новому, в то же время и сохраняя, и отсекая то, что виделось отсталым и ненужным. Возникавшие противоречия перекрещивались друг друга, накладываясь на текущие проблемы, вызывая к жизни актуальные и спящие конфликты, разделяя общество по разным критериям. Ответом общества на новые вызовы становилось использование как практик западной политической жизни, так и элементов архаики.

Кроме того, необходимо принимать в расчет стремительно меняющуюся внешнюю среду, развернувшиеся процессы глобализации, которые не могли не охватить весь арабский мир. Влияние глобализации порождало иллюзию включенности арабского общества в пространство современного мира, и тем глубже становилось разочарование людей, когда они убеждались в недостижимости притягательных идеалов материального комфорта, социального равенства и политических прав.

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ И ФРАГМЕНТАЦИЯ МОДЕРНИЗИРОВАННОГО АРАБСКОГО МИРА

Большим разочарованием для арабских лидеров (отчасти и для поддерживавших их внешних сил) стала открывшаяся в начале 1970-х гг. невозможность реализации западной исходной модели во всей полноте.

Переход от старого общества к новому всегда сложен и чреват неизбежными конфликтами, но в данном случае процесс перехода для арабских стран осложнялся огромной силой социальной инерции и различиями в стартовом уровне. Исходная западная модель формировалась в течение столетий западноевропейской истории в процессе постепенного изживания и ослабления старых социальных идеалов и ценностей и замене их новыми,

исчерпания экономического потенциала аграрного общества и смены его обществом индустриальным, поэтапного отказа от авторитарно-иерархического строя политической жизни и утверждения демократического строя, трансформации религиозного характера культуры в светский и секулярный, утверждения идеологии либерализма. Но догоняющая модернизация требовала одномоментной замены старых основ, норм и институтов на новые.

Отчасти это получалось в экономике, поскольку строительство завода или электростанции не замещали, а дополняли существующий уклад жизни и хозяйствования. В то же время в социальной и тем более в духовной жизни не срабатывали механизмы симбиоза традиционного и современного (самобытного и западного), не говоря уже о синтезе двух разнородных начал. Запускался механизм отторжения нового, навязываемого властью и Западом. Построение современного общества западного типа оказывалось невозможным вследствие господства в общественном сознании традиционных социальных ценностей. О заимствовании принципа демократизма арабские республиканские и монархические лидеры всерьез и не помышляли, хотя в некоторых вестернизированных странах с более развитой политической культурой отдельные демократические институты вошли в политическую жизнь. Таким образом, при проведении модернизации приходилось на ходу решать возникавшие проблемы, реализуя фактически фрагментированную модель.

Тем не менее по формальным показателям арабские страны совершили качественный скачок в своем развитии к концу XX в., когда исходная модель модернизации была использована в той мере, в какой это оказалось возможным.

Возьмем самые общие показатели: объем ВВП (млн долл.) и ВВП на душу населения (долл.) в 1974 г. и 2003 г.: Ирак – 3090 и 319, 14 950 и 594; Саудовская Аравия – 3220 и 416, 207 320 и 8 561; Сирия – 1750 и 280, 26 650 и 1 497; Йемен (Северный) – 290 и 51, 9 690 и 484; Иордания – 570 и 250, 9860 и 1 803 [*Studies*, 1975, p. 4; *Страны мира*, 2006, с. 76, 77, 83, 165, 175]. Средняя продолжительность жизни за тот же период выросла с 32–45 лет до 62 (у женщин) и 59 (у мужчин) лет в Ираке и 73 (у женщин) и 70 (у мужчин) лет в Иордании [*Страны мира*, 2006, с. 76–77]. Почти во всех арабских странах изменилась структура национального хозяйства, в нем выросла доля промышленности (преимущественно добывающей, но также и обрабатывающей), возникли основы, а в иных странах и система современной промышленной инфраструктуры. Во всех арабских странах власть начала проведение активной социальной политики, приведшее к созданию на более или менее современном уровне основ национальных систем здравоохранения и образования. Можно приводить и другие данные в подтверждение очевидности процесса постепенного размывания былой общности арабского мира: модернизация привела арабские страны к различному уровню социально-экономических показателей, и этот разрыв со временем сохранялся.

Стоит заметить, что сам по себе процесс модернизации, начинаемый и проводимый национальным государством, способствует формированию нации и ослаблению локальной и региональной идентичности и лояльности. Национализм, ставший одной из идеологий современного буржуазного общества в первой половине XIX в., также должен был проявиться в арабском мире. Правда, в отличие от нормативной модели, там формируется не «гражданская» нация с либеральной идеологией, а «этническая» нация, обладающая общим наследием и общей целью, хотя идеологические основы такой нации представляют сочетание разнородных начал.

Нефтяные монархии Аравии, имевшие небольшую численность населения, смогли в наибольшей степени использовать возможности, открываемые индустриализацией. После периода «нефтяного опьянения» от возросшего после 1973 г. потока нефтедолларов с помощью западных специалистов был введен рациональный порядок долгосрочного плани-

рования экономического развития и более рационального использования государственных инвестиций наряду с иностранными вложениями. Буквально на пустом месте была создана нефтехимическая промышленность, сумевшая добиться достойного места на мировом рынке.

Так, саудовская корпорация SABIC, созданная в 1976 г. в самом начале модернизации, спустя три десятилетия включала в себя 18 компаний в Королевстве, объем ее активов в 2007 г. составлял 256,2 млрд сауд. риалов (около 70 млрд долл.), а чистая прибыль 27 млрд сауд. риалов (более 7 млрд долл.). В совет директоров SABIC входили семь саудовцев, среди них один член королевской семьи как председатель правления. Корпорация вошла наряду с западными BASF и Lyondel Basell в тройку крупнейших производителей крупнотоннажной нефтехимии (полимеры, пластик), имеет более 45 подразделений в Азии, Европе и Америке [SABIC, 2007, p. 19, 76–83].

Развитие социальной сферы давно стало предметом гордости богатых нефтяных монархий. В ОАЭ, развивавшихся по той же капиталоизбыточной модели, в программе развития Abu Dhabi Economic Vision 2030 предусматривалось достижение экономического роста «благодаря знаниям и инновациям». Тридцать лет реформ там были потрачены не только на заимствование плодов научного и технического прогресса, но и на «воспитание талантов и креативного мышления» у коренных жителей страны в условиях мультикультурного состава населения и влияния глобализации [The Future of Education, 2014, p. 5].

В арабских странах, лишенных больших запасов углеводородов, благодаря модернизации произошла реструктуризация национальных экономик, проведена индустриализация и созданы предприятия обрабатывающей промышленности, но их продукция удовлетворяет лишь потребности внутреннего рынка. Социальные реформы проводили все власти, строили школы, появились университеты, возникла система здравоохранения. Однако эти достижения модернизации в странах с большим населением и высокими темпами его прироста в условиях постоянного дефицита инвестиций лишь усиливали социально-политическую напряженность в обществе.

К концу XX – началу XXI в. определились черты новой дифференциации арабских стран: страны модерна, в которых при сохранении традиционного социально-экономического массива ведущую роль играли индустриальная экономика и идеалы, ценности, институты современности (страны Магриба, Египет, Сирия, Ирак); страны постмодерна, в которых наступило господство современности во всех сферах жизни (нефтедобывающие страны Аравии); страны премодерна, где модернизация вызвала к жизни «очаги современности», но не смогла стать определяющим фактором в общественном развитии (Йемен, Палестинская автономия, Мавритания, Западная Сахара). Названная дифференциация определяется исходя из уровня арабского мира, хотя в регионе наличествовало общество постмодерна по западным критериям – Израиль.

О динамике продвижения арабских стран по пути модернизации свидетельствуют данные Индекса развития человеческого потенциала за 1990 и 2015 гг. Страны с очень высоким значением этого показателя: Катар – 0,754 и 0,856, Саудовская Аравия – 0,698 и 0,847, ОАЭ – 0,726 и 0,840, Бахрейн – 0,745 и 0,824; страны с высоким уровнем: Оман – ... и 0,796, Ливан – ... и 0,763, Иордания – 0,620 и 0,741; страны со средним уровнем: Египет – 0,547 и 0,691, Палестина – ... и 0,684, Ирак – 0,572 и 0,649, Сирия – 0,556 и 0,536; страны с низким уровнем – Йемен – 0,405 и 0,482 [Ближний Восток, 2018, с. 78–79].

Признанием высокого уровня развития ряда стран стало их сотрудничество в военной сфере с США. Сама по себе сделка Д. Трампа о поставках современных видов вооружения Саудовской Аравии на 20 млрд долл. могла быть осуществлена лишь потому, что модернизированные Вооруженные силы Саудовской Аравии имели достаточно квалифицированных специалистов для обслуживания этой техники. Впрочем, атака из Йемена на саудовский

НПЗ возле Эр-Рияда в сентябре 2018 г. показала предел значения технико-экономических показателей модернизации для отстаивания национальной независимости и государственности (как это случилось в Афганистане во время англо-афганских войн 1838–1842, 1878–1880, 1919 гг.).

Очевидным общим результатом модернизации стало усиление роли национального государства, которое взяло на себя функции организатора и производителя коренных социально-экономических реформ, став главным субъектом модернизации. Оно выполняло регулирующие и контролирующие функции исходя из целей, поставленных им же в пятилетних планах развития. Власть прямо влияла на развитие частного сектора, сдерживая или поощряя формирование национальной буржуазии и нового образованного класса, не сумевших стать равнозначным субъектом процесса модернизации. Государство наряду с частным сектором выступало партнером западного капитала. Наконец, оно стремилось сохранить контроль над общественно-политической жизнью, поскольку индустриализации вовсе не сопутствовало «нормативное» развитие демократизма по западным нормам. Альтернативы государству – в отличие от западной модели – не возникло.

Эта иная природа арабской государственности, усиленная за десятилетия модернизации, проявилась в политической жизни арабских стран в виде сохранения авторитарных режимов с разной формой государственного устройства. отождествление режимами себя с государством и представление (отчасти справедливое) о себе как о гаранте развития стали одними из негативных результатов модернизации и поводом к взрыву Арабской весны.

Таким образом, наряду с безусловно положительными процессами, принесшими благо миллионам жителей арабских стран, модернизация обострила старые и вызвала к жизни новые противоречия и конфликты. Общество в целом осознавало свой переход к новому качеству, стремилось обрести новый баланс сил, создать заново ту органическую целостность, которой оно лишилось в процессе своей трансформации. Это было возможно и мирным путем, как произошло в капиталоизбыточных странах Аравии. В другой части арабского мира, лишенной ресурсов для смягчения социальных перемен, конфликт переходности мог быть разрешен лишь с использованием насилия.

ПРОБЛЕМЫ И КОНФЛИКТЫ, ПОРОЖДЕННЫЕ МОДЕРНИЗАЦИЕЙ

В 2011 г. назревшие противоречия модернизации, порожденные ею конфликты и нерешенные проблемы выплеснулись наружу. Эти вызовы были обусловлены прежде всего внутренними причинами. Фрагментация проявилась в странах региона и как состояние самих социумов, в которых в процессе симбиоза сочетались разнопорядковые уклады жизни и хозяйствования, конфликтующие ценности и идеи, и как процесс общественного развития, в котором переплелись разнородные социально-политические течения, подчас испытывающие внешние воздействия.

Конфликты разгорались в сфере общественной жизни, потому что в области экономики традиционные начала были настолько слабы, что не могли сопротивляться индустриальному хозяйству. Иное дело – нематериальная сфера – сознание, память и поведение больших масс людей, которым предлагалось принять иную жизнь взамен собственной, чего они не желали. Но плодом модернизации стал и конфликт иного рода, стремление отдельных слоев и групп людей реализовать в национальной политической жизни те демократические ценности и тот принцип демократизма, о котором они узнали из западной модели.

Для завершения формирования целостной капиталистической системы требовалось после формирования основ капиталистической экономики создать базу демократического общества с присущими ему институтами, правами и нормами. С точки зрения формальной

логики все вроде бы так и происходило, основы индустриальной экономики наличествовали в регионе и были включены в мировое хозяйство, но события на Ближнем Востоке весной 2011 г. явно вышли за рамки названной схемы.

В ходе догоняющей модернизации развитие шло неравномерно. Асинхронно протекали процессы экономического, социального и культурного развития. Заимствование новой техники и хозяйственных отношений в силу очевидной выгоды всегда опережало развитие иных сфер. В то же время в них не просто сохранялись, а закреплялись элементы многоукладности, что еще больше лишало восточное общество органической целостности. В начале XXI в. усилились как деструктивные, так и конструктивные процессы в модернизирующихся обществах, однако старые основы пошатнулись, а новые еще не установились. Привычное холистическое восприятие жизни исчезло, целостная картина мира уступила место причудливой мозаике. Рецепция модернизации происходила выборочно в разных слоях арабского общества, тем более что в условиях глобализации слабеет сама структура основных принципов, на которых до сих пор стояли государства, общины людей и отдельные семьи, разрушаются системы подчинения властям и верности традиционным ценностям. Между тем поиски новой лояльности идут не только в западной модели, но и в собственном прошлом. Ведь «каток модернизации» не раздавил полностью цивилизационные национально-самобытные начала арабского общества. Социально-экономическая модернизация не обернулась полной духовной или культурной вестернизацией, т.е. вытеснением традиции современностью в нематериальной жизни, но отдельные политические ценности западной модели вошли в сознание людей, усиливая социально-политический раскол в обществе. Требование политических перемен опередило завершение третьего этапа реформ.

Главной социальной силой событий в Тунисе, Египте и ряде других арабских стран весной 2011 г. стало сочетание больших масс образованной молодежи, лишенной жизненных перспектив, и миллионов простых жителей, оказавшихся ниже уровня бедности. Они стали основой движения социально-политического протеста против власти. Выделялось немало поводов этого социального взрыва начиная с акта самосожжения Мухаммада Буазизи 17 декабря 2010 г. в Тунисе или Абдель Мунима Камала 17 января 2011 г. в Каире. За десять лет были выявлены основные причины массового недовольства, прежде всего, замедление политических реформ, сохранение режима чрезвычайного положения, коррупция и т.п. [см.: *Ближний Восток*, 2012]. Существовавший баланс социально-политических сил был поколеблен, а власть не хотела или не могла установить новый. Вероятно, именно усталость от старого режима, точнее, от сложившихся правящих и господствующих династий, двигала молодыми людьми с вестернизированным мировоззрением, видевшими альтернативу существующим режимам в некоей арабизированной вестминстерской модели демократии, которой никогда не существовало.

Арабская весна вывела на поверхность назревший кризис всей модернизированной социально-экономической системы, в которой потенциал традиционализма оказался не слабее потенциала современности. Опыт Ирана в 1970-е гг. показал, что по мере прохождения волн модернизации и постепенного улучшения материального положения широких слоев населения в массовом сознании обществ, принадлежащих к незападной цивилизации, возникает некая альтернатива существующему политическому строю, которая меняет соотношение традиции и современности.

Парадоксально, но догоняющая модернизация в арабском обществе возрождала и усиливала традицию, к которой власть была вынуждена адаптироваться. Более успешные результаты показали страны, в минимальной степени испытывавшие воздействие вестернизации, – нефтяные монархии Аравии. Их пример показывает, что не только материальный

фактор – нефтедоллары, которыми обладал и Алжир – способствует в ходе модернизации смягчению симбиоза традиции и современности. На это влияет и большая степень органической целостности общества, отмечавшаяся к началу кардинальных преобразований, а также инерция социума, жившего традиционными ценностями.

В успешно модернизированной Саудовской Аравии, тем не менее, в 2011 г. появились «заявление 23 февраля» и «заявление 123-х университетских преподавателей» от 27 февраля, в которых более 100 известных саудовцев, включая деятелей науки, культуры и делового мира, призвали к установлению конституционной монархии, формированию избираемого (а не назначаемого) парламента, т.е. организации общественно-политической жизни в Королевстве по принципам демократизма. По сути, это был призыв к завершению реформ (четвертого этапа *реформы системы*). Дальше либеральных реформаторов пошли радикалы-исламисты, призвавшие 11 марта выйти на улицы и «совершить джихад на пути Господа». В ответ в начале марта 2011 г. власти запретили проведение любых акций протеста, а высшие улама поддержали правительство. Спешно вернувшийся в страну король Абдалла 18 марта обратился к народу с обращением, в котором огласил новые меры по улучшению социально-экономического положения больших масс населения. В их числе – повышение минимальной заработной платы в госсекторе до 3 тыс. риалов (800 долл.), установление пособия по безработице в размере 2 тыс. риалов (533 долл.), создание 60 тыс. новых рабочих мест только в системе МВД, увеличение размера кредитов на строительство или покупку жилья с 300 до 500 тыс. риалов (80 и 133 тыс. долл.) и другие меры в сферах здравоохранения и образования. Король Абдалла заявил также о начале нового этапа политики «широкого национального диалога» для «блага отечества» [*Ближний Восток*, 2012, с. 357–358; Дударев, 2015, с. 40]. Политика «кнута и пряника» вполне оправдала себя. Авторитет власти и лично короля Абдаллы не был поколеблен.

Пример Аравии как раз показывает, что было бы неверно отождествлять «реформу системы» с вестернизацией, модернизация не отменяет традицию, а если нарушается их баланс, общество переживает серьезный кризис. Примеры саудовского королевства, ОАЭ, Катара и Кувейта показывают, что проведение политики реформ и нефтедолларов, даже при сохранении традиционной племенной иерархии и существующих семейных династий, может способствовать устойчивости общественного развития и завершению модернизации. Можно предположить, что в данном случае процесс симбиоза переходит в процесс синтеза разнородных начал и формирования «аравийской модели» современного общества.

На первый взгляд, такого же рода параметры развития наличествовали в Ливии. Однако там процессу модернизации помешало вмешательство могущественного внешнего фактора – Запада. Он нарушил шаткий баланс общественных сил, и неподавленная до конца архаика вырвалась на поверхность. Такой возможности не предполагали на Западе, где преобладало убеждение, что в ходе модернизации «мы создаем нашу собственную реальность» [Fuller, 2010, p. 6], соответствующую западной модели. Между тем М. Каддафи в ходе проводимой им модернизации для построения национального современного государства стремился сочетать индустриализацию и социальное развитие с социально-политической архаикой, используя жесткую узду авторитарного режима. Но, по характеристике А.З. Егорина, «сразу после поражения верных Каддафи сил лагерь победителей оказался расколот, причем сразу по нескольким принципам: идеологическому, территориальному и племенному» [*Ближний Восток*, 2012, с. 239]. Страна при активном участии внешних сил вернулась в состояние премодерна.

Сходным образом кончилась иная попытка построения национального государства путем модернизации в Йемене, лишенного по воле судьбы спасительных нефтедолларов. Там за несколько десятилетий общество также не обрело внутреннего единства, а раскололось по территориальному, племенному и религиозному принципам, которые не были изжиты

в силу слабости процессов модернизации, лишенных внутреннего потенциала и внешней подпитки. От западной модели были восприняты некоторые идеи, ценности и практики, но они не обрели почвы для укоренения в отсутствие глубоких социально-экономических реформ. По оценке С.Н. Сереброва, в политической жизни имела место «фрагментарность и отсутствие единства среди сил, выступавших за трансформацию политической системы Йемена в русле модернизации», что привело к актуализации «хусизмом религиозного подхода» к будущему [*Ближний Восток*, 2019, с. 303, 309]. В общественной жизни утверждались ценности архаики. В региональном масштабе очевидным свидетельством этого стало появление проекта террористического «Исламского государства»¹, обращение к мифологизированной традиции как парадоксальное порождение модернизации.

Высокая степень неустойчивости, подвижности и неопределенности общественного развития, проявившаяся в ходе Арабской весны, как раз и стала показателем глубоких внутренних противоречий в арабском обществе, конфликта таких порожденных модернизацией антагонистических начал, которые не могут в существующем виде сочетаться друг с другом: достижения технологической революции и натуральное хозяйство, выпускник американского технологического института и неграмотный овцевод, принцип демократизма в политической жизни и племенная лояльность, либеральные ценности и патриархальные нормы жизни... Впереди долгий путь насилия и компромиссов, пока станет возможным перейти от симбиоза к синтезу.

Таким образом, можно констатировать, что Арабская весна 2011 г. послужила своеобразным триггером, ускорившим протекавшие в арабском мире процессы завершения третьего и четвертого этапов догоняющей модернизации с результатом, далеко не совпадающим с исходной западной моделью, что способствовало более ясной дифференциации арабских стран по разным критериям: экономическим, социальным и политическим. Вот почему, исходя из того уровня модернизации, которого они достигли на рубеже веков, в них идут процессы переформатирования национального государства, формирования нового социума, а также реорганизация национального хозяйства на новых основах, выработка новой политической системы и определение своего места в новой конфигурации международных отношений в регионе и в мире.

Предстоящий арабским странам в XXI в. период развития будет существенно отличаться не только по внешним проявлениям, что неизбежно в условиях современного мира, переживающего Четвертую промышленную революцию. В XX в. арабские страны вольно и невольно встали на путь догоняющей модернизации, имея в качестве нормативного образца западную модель современного индустриального общества. В настоящее время такая модель нигде не реализована (если не сводить всю жизнь общества к материальным продуктам технического прогресса), но есть варианты современного общества на Востоке: китайский, иранский, турецкий и др. Перед арабскими странами встает задача осуществления *модернизации развития*, цель которой будет определяться уже не только с учетом важности устойчивого развития, но и самобытной архаики, прежде всего, с учетом интересов национального государства и капитала для построения *сталагмитового* демократического капитализма, при котором арабское общество обретет новый баланс сил.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Александров И.А. *Монархии Персидского залива: этап модернизации*. М.: Слово и дело, 2000.
[Alexandrov I.A. *The Monarchy of Persian Gulf: the Phase of Modernization*. Moscow: Slovo i delo, 2000 (in Russian)].

¹ Террористическая организация, запрещенная в России.

Ближний Восток, Арабское пробуждение и Россия: что дальше? Под ред. В.В. Наумкина, В.В. Попова, В.А. Кузнецова. М.: ИВ РАН, 2012 [*The Middle East, the Arab Awakening and Russia: What Will Be Next?* Eds. Naumkin V.V., Popov V.V., Kuznetsov V.A. Moscow: Institute of Oriental Studies of the RAS, 2012 (in Russian)].

Ближний Восток в меняющемся глобальном контексте. Под ред. В.Г. Барановского, В.В. Наумкина. М.: ИВ РАН, 2018 [*The Middle East in the Changing Global Context.* Eds. Baranovsky V.G., Naumkin V.V. Moscow: Institute of Oriental Studies of the RAS, 2018 (in Russian)].

Ближний Восток в поисках политического будущего. Под ред. В.Г. Барановского, В.В. Наумкина. М.: ИВ РАН, 2019 [*The Middle East in Search of a Political Future.* Eds. Baranovsky V.G., Naumkin V.V. Moscow: Institute of Oriental Studies of the RAS, 2019 (in Russian)].

Дударев К.П. *Саудовская Аравия. XXI век на родине ислама: от «всемирной бензоколонки» к «лаборатории инноваций и совершенства».* М.: Недра, 2015 [Dudarev K.P. *Saudi Arabia. 21st Century in the Homeland of Islam: from the "World's Gas Station" to the "Laboratory of Innovation and Perfection"*. Moscow: Nedra, 2015 (in Russian)].

Заостровцев А. *Пolemика о модернизации: общая дорога или особые пути?* СПб.: Европейский университет, 2020 [Zaostrovtshev A. *The Polemic about Modernization: General or Special Ways?* St. Petersburg: European University, 2020 (in Russian)].

Косач Г.Г. *Саудовская Аравия: внутривосточные процессы «этапа реформ».* М.: Институт Ближнего Востока, 2007 [Kosach G.G. *The Saudi Arabia: Intrapolitical Process of "Phase of Reforms"*. Moscow: Institute of the Middle East, 2007 (in Russian)].

Обзорный доклад о модернизации в мире и в Китае (2001-2010). Под ред. Хэ Чуаньци. М.: Весь мир, 2011 [*China Modernization Report Outlook (2001-2010).* Ed. by Chuanqi He. Moscow: Ves' Mir, 2011 (in Russian)].

Побережников И.В. *Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации.* М.: РОССПЭН, 2006 [Poberezhnikov I.V. *The Transition from Traditional to Industrial Society: Theoretical Problems of Modernization.* Moscow: ROSSPEN, 2006 (in Russian)].

Реконструкция мировой и региональной истории. От универсализма к модели межкультурного диалога. Под ред. Л.И. Репиной. М.: Аквилон, 2017 [*The Reconstruction of the World and Regional History.* Ed. by L.I. Repina. Moscow: Akvilon, 2017 (in Russian)].

Семенов Ю.И. *Философия истории. Общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней.* М.: Современные тетради, 2003 [Semenov U.I. *The Historical Philosophy.* Moscow: Sovremennye tetradi, 2003 (in Russian)].

Страны мира. 2005. Статистический справочник ООН. М.: Весь мир, 2006 [*Countries of the World. 2005. United Nations Statistical Handbook.* Moscow: Ves' Mir, 2006 (in Russian)].

Теория и методология истории. Под ред. В.В. Алексеева, Н.Н. Крадина, А.В. Коротаева, Л.Е. Гринина. Волгоград: Учитель, 2014 [*The Theory and Methodology of History.* Ed. by V.V. Alexeev, N.N. Kradin, A.V. Korotaev, L.E. Gridin. Volgograd: Uchitel, 2014 (in Russian)].

Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и современного. Под ред. Л.И. Рейснера, Н.А. Симония. М.: ГРВЛ, 1984 [*The Evolution of Eastern Societies: the Synthesis of Tradition and Modernity.* Ed. by L.I. Reysner, N.A. Simoniya. Moscow: GRVL, 1984 (in Russian)].

Яковлев А.И. *Фейсал – король-реформатор.* М.: РЦСМИ, 1999 [Yakovlev A.I. *Faisal – the King-reformer.* Moscow: RSSMI, 1999 (in Russian)].

Яковлев А.И. *Очерки модернизации стран Востока и Запада в XIX–XX веках.* М.: Восточный университет, 2006 [Yakovlev A.I. *Studies in Modernization Eastern and Western Countries in the 19th and 20th Centuries.* Moscow: Vostochny universitet, 2006 (in Russian)].

Яковлев А.И. *Страны Востока в эпоху глобализации: синтез традиционного и современного.* М.: ИВ РАН, 2015 [Yakovlev A.I. *Countries of the East in the Globalization Era: Synthesis of Tradition and Modernity.* Moscow: IOS RAS, 2015 (in Russian)].

- Rostow W.W. *The Stages of Economic Growth. A Non-Communist Manifesto*. Cambridge, 1960.
- Black C.E. *The Dynamics of Modernization: A Study of Comparative History*. N.Y., 1966.
- Eisenstadt S.H. *Tradition, Change and Modernity*. N.Y.– London, 1973.
- Al-Farsy F. *Modernity and Tradition. The Saudi Equation*. N.Y.– London, 1990.
- Fuller G.E. *A World without Islam*. New York – London: Little, Brown and Company, 2010.
- The Future of Education in UAE. Innovation and Knowledge Production*. Abu Dhabi: Emirates Center for Strategic Studies and Research, 2014.
- Huntington S.P. *Political Order in Changing Societies*. New Haven, 1968.
- King Faisal and Modernization of Saudi Arabia*. London, 1980.
- Lerner D. *The Passing of Traditional Society: Modernizing the Middle East*. N.Y.–London, 1965.
- SABIC. Report and Accounts 2007*. Riyadh: SABIC, 2007.
- Studies on Development Problems in Countries of Western Asia. 1974*. New York: United Nations, 1975.
- O’Sullivan E. *The New Gulf. How Modern Arabia is Changing the World for Good*. Dubai-Abu-Dhabi–London, 2008.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ЯКОВЛЕВ Александр Иванович – доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Центра арабских и исламских исследований, Институт востоковедения РАН, Москва, Россия.

Alexander I. YAKOVLEV, DSc (History), Professor, Leading Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow, Russia.